

A movie poster featuring a close-up of actor Markus Winston. He has dark, wavy hair and a light beard, looking intensely at the camera. He is wearing a dark jacket with 'FBI' visible on the sleeve. The background is a solid light blue. The title 'ИЛЛЮЗИЯ ВЫБОРА' is written in large, bold, red Cyrillic letters across the bottom. The actor's name 'МАРКУС УИНСТОН' is in the top right corner, and a '18+' rating is in the bottom right corner.

МАРКУС
УИНСТОН

ИЛЛЮЗИЯ
ВЫБОРА

18+

Маркус Уинстон

Иллюзия выбора

«Автор»

2026

Уинстон М.

Иллюзия выбора / М. Уинстон — «Автор», 2026

Сначала общество пугают хаосом. Потом предлагают безопасность. Потом требуют отказаться от свобод. Аналитик ФБР Артур приезжает в пригород Колумбуса после школьного расстрела. Для полиции всё очевидно: травля, сломанная психика, подросток, который сорвался. Но Артур видит аномалию. Стрелок двигался слишком спокойно, его интересы изменились слишком резко, а в комнате погибшего обнаруживаются странные геометрические рисунки и скрытые видеофайлы. Это не обычная радикализация. Это след. Расследование выводит Артура на технологию, способную превращать страх, одиночество и злость в программу действия. Человек уверен, что выбирает сам, — но его выбор уже был собран из видео, новостей, ярлыков, повторяющихся образов и тщательно подобранных слов. След ведёт к европейской антикультовой организации, финансовым потокам, лоббистам и тем, кто под видом защиты общества получает право решать, какие мысли безопасны, а какие люди больше не заслуживают доверия.

© Уинстон М., 2026

© Автор, 2026

Маркус Уинстон

Иллюзия выбора

Данное произведение является художественным. Все герои, события, организации, места действия и обстоятельства представлены в рамках авторского замысла. Любое сходство с реальными лицами, живыми или умершими, а также с существующими или существовавшими организациями, компаниями, учреждениями и событиями является случайным и не предполагает намеренного совпадения.

Пролог

Магнитная лента тихо зашуршала, когда Эмили с усилием вдавила красную клавишу диктофона. В номере придорожного мотеля на окраине Далласа царил тусклый полумрак, прореваемый мерцанием старого телевизора. Звук был выкручен почти до минимума, но на экране безостановочно крутились кадры из Уэйко: клубы густого чёрного дыма поднимались над осаждённым ранчо «Маунт Кармел», бронетехника утюжила сухую техасскую землю. Шёл апрель 1993 года.

Эмили придвинула тяжелый металлический микрофон ближе к краю пластикового стола. Ее пальцы мелко дрожали, оставляя влажные отпечатки на глянцевой поверхности разложенных фотографий. На верхнем снимке, сделанном телеобъективом из машины, был запечатлен грузный человек в мешковатом сером костюме, спускающийся по трапу самолета. На обороте синими чернилами кто-то торопливо вывел одно имя: «Игорь Смирнов».

— Операция «Феникс» вступила в активную фазу, — произнесла Эмили.

Ее голос в пустой комнате прозвучал хрипло, неестественно громко. Она откашлялась и продолжила, глядя прямо на вращающиеся катушки кассеты.

— То, что происходило в восьмидесятых, вся эта истерия вокруг сатанинских ритуалов, не была ошибкой некомпетентных терапевтов. Они намеренно превратили ретрогипноз в балаган. Наполнили его образами жертвоприношений и культов, чтобы научное сообщество само потребовало запретить этот метод. Они уничтожали единственный инструмент, способный снять их кодировки.

За окном, на залитой дождем парковке, медленно проехал автомобиль. Шуршание шин по мокрому асфальту заставило Эмили замереть. Она потянулась к шнуру настольной лампы, готовая в любую секунду выдернуть его из розетки, но машина проехала мимо, обдав светом фар плотно закрытые пластиковые жалюзи.

Эмили выдохнула и перевернула страницу тонкой картонной папки. Под фотографией Смирнова лежал список членов правления недавно созданного Фонда синдрома ложных воспоминаний. Маргарет. Луис. Офше. Те самые эксперты, которые еще вчера кричали с телеэкранов о сатанистах, теперь сидели в уютных кабинетах и убеждали мир в том, что человеческой памяти нельзя доверять.

— Вчера я видела Дженнифер Шефлин, — продолжила Эмили, стараясь говорить быстрее. — Ее родители используют ее как витрину. Девочка пыталась сказать прессе, что гипноз тут ни при чем, что ее просто заставили заучить текст. Микрофон отключили. Они создают проблему, а затем предлагают решение, которое полностью перечеркивает право человека на собственное сознание. А теперь здесь, в Техасе, Смирнов тестирует акустическое воздействие прямо на живых людях.

В коридоре мотеля послышались шаги. Не тяжелая поступь случайного постояльца, а тихий, размеренный ритм людей, которые точно знают номер нужной двери. Скрипнула половица. Затем еще одна — уже ближе.

Эмили резко нажала на стоп. Диктофон громко шелкнул. Она выхватила кассету, сунула ее в плотный пластиковый почтовый конверт и бросилась к вентиляционной решетке под

окном. Отвертка уже лежала наготове. Два винта поддались легко — она ослабила их еще утром. Эмили протолкнула конверт глубоко в пыльный короб, засунув его за металлический изгиб трубы, и торопливо прижала решетку на место.

Удар в дверь был коротким и глухим, словно били чем-то обернутым в плотную ткань. Замок жалобно лязгнул, но выдержал.

Эмили отступила к кровати, сгребая со стола оставшиеся документы. Фотография Смирнова, списки фонда, стенограммы сеансов Патрика — все это полетело в металлическую мусорную корзину. Она чиркнула спичкой. Бумага занялась неохотно, край фотографии начал чернеть и скручиваться, когда деревянная рама содрогнулась от второго удара. По косяку поползла длинная трещина.

Третий удар вышиб дверь вместе с петлями. В номер ворвался холодный влажный воздух и двое мужчин в темных непромокаемых ветровках. Эмили не стала кричать. Она молча смотрела, как один из вошедших буднично сверяется с наручными часами и достает из кармана шприц, пока второй тяжелым ботинком методично затаптывает тлеющие в корзине бумаги. Экран телевизора за их спинами продолжал транслировать горящее ранчо, погружая тесную комнату в пульсирующий красный свет.

Глава 1. Аномалия в протоколе

Штукатурка мелким крошечком осыпалась на линолеум при каждом прикосновении. След от пули на уровне груди взрослого человека уходил глубоко в стену, пробив насквозь тонкую металлическую дверцу школьного шкафчика. Артур провел пальцем в латексной перчатке по рваным краям металла, оценивая угол вхождения.

За его спиной тянулся длинный пустой коридор старшей школы в пригороде Колумбуса. Желтая полицейская лента вяло провисала между перевернутыми партами и брошенными рюкзаками.

Артур сделал шаг назад, сверяя отметки баллистиков с планом здания в своем планшете. Траектория движения семнадцатилетнего стрелка читалась ясно, как открытая книга. Никаких хаотичных метаний, свойственных подросткам в состоянии аффекта. Никакой стрельбы вслепую или попыток забаррикадироваться. Парень шел по коридору ровным, размеренным шагом, методично обходя классы и выбирая цели.

Громкий хлопок лопнувшего пузыря жевательной резинки разорвал гнетущую тишину.

В конце коридора появился детектив Вэнс. Местный следователь тяжело ступал по усыпанному стеклом полу, всем своим видом демонстрируя крайнюю степень раздражения. Его помятый серый костюм выглядел так, словно он провёл в нём всю ночь, а под глазами залегли глубокие тени от бессонницы.

— Вы тратите мое и свое время, агент, — произнес Вэнс, останавливаясь в нескольких шагах от Артура. Он протянул пластиковую папку с уже заполненными бланками. — Протокол готов. Обычный буллинг. Парня довели, у него сорвало резьбу. Мне нужна только ваша подпись, чтобы закрыть федеральную часть отчета.

Аналитик ФБР даже не взглянул на протянутые бумаги. Вместо этого он указал кончиком ручки на два пулевых отверстия в противоположной стене.

— Расстояние между выстрелами — ровно сорок сантиметров. Высота идеальная для поражения жизненно важных органов. Стрелок двигался со скоростью подготовленного тактического бойца, не сбивая дыхание. Вы действительно считаете, детектив, что недавняя драка в школьной столовой способна превратить обычного подростка в хладнокровную машину для убийств за пару недель?

— Я считаю, что дети сейчас жестокие, а интернет забит инструкциями по стрельбе, — огрызнулся Вэнс, снова принимаясь агрессивно жевать. — Месяц назад трое парней из футбольной команды окунули его головой в унитаз. Вчера он принес отцовский дробовик и разнес

им головы. Причина и следствие. Все предельно просто. Город хочет ответов, мэр обрывает мне телефон каждый час. Нам нужно закрыть это дело и дать людям спокойно похоронить детей.

Тяжелые шаги раздались со стороны лестничного пролета. Миссис Колдвелл, директор школы, выглядела так, словно постарела на десять лет за прошедшие сутки. Ее строгий темно-синий костюм казался слишком просторным для ссутулившейся фигуры, а руки, сжимавшие толстую картонную папку, мелко дрожали.

— Агент ФБР? — тихо спросила она, переводя взгляд с Артура на Вэнса и обратно. — Вы просили личное дело Лукаса. Я принесла все, что смогла найти в архиве, плюс отчеты школьного психолога.

Артур убрал ручку в карман пиджака и принял папку. Плотный картон был теплым от рук директрисы.

— Спасибо, миссис Колдвелл. Расскажите мне о нем. Каким он был до инцидента в столовой?

Женщина нервно поправила выбившуюся из прически седую прядь.

— В том-то и дело, что Лукас никогда не был проблемным ребенком. Отличник, тихий, немного замкнутый. Он увлекался астробиологией, мечтал поступить в Массачусетский технологический. Никаких приводов в полицию, никакой агрессии.

— Пока его не начали травить, — вставил Вэнс с нажимом.

— Травля была, — нехотя признала директор. — Но реакция Лукаса... она была неестественной. Вместо того чтобы замкнуться в себе или пожаловаться родителям, он начал меняться на глазах. Психолог отметил резкие перепады настроения. В одну минуту он сидел на уроке абсолютно апатичный, глядя в стену, а в следующую — проявлял гиперактивность, вступал в споры с учителями.

Артур открыл папку, быстро пробегая глазами по строкам психологического заключения.

— Выраженная форма биполярного расстройства, — прочитал он вслух диагноз, поставленный за две недели до трагедии. — Внезапное появление симптомов без генетической предрасположенности.

— Родители были в панике, — продолжила миссис Колдвелл, обхватив себя руками за плечи, словно пытаясь согреться в холодном коридоре. — Около месяца назад они записали его на специальные онлайн-курсы. Что-то вроде программы «психологической устойчивости» для подростков, испытывающих давление сверстников. Они думали, это поможет ему справиться со стрессом после той драки.

Слова директрисы заставили Артура замереть. Он поднял взгляд от бумаг.

— Онлайн-курсы? Кто их порекомендовал?

— Я не знаю точно. Кажется, ссылка пришла в какой-то родительской рассылке или группе поддержки. Мать Лукаса говорила, что программа должна была научить его выстраивать личные границы.

Вэнс громко фыркнул, переминаясь с ноги на ногу.

— Очередной сетевой мусор. Вытягивание денег из напуганных родителей. Агент, мы можем вернуться к сути? У нас есть трупы, есть орудие преступления и есть стрелок, который пустил себе пулю в подбородок до приезда спецназа. Это закрытый кейс.

Закрыв папку, Артур посмотрел прямо в покрасневшие глаза детектива. В них читалось лишь желание поскорее избавиться от пришедшего федерала.

— Кейс будет закрыт, когда я осмотрю его комнату, — ровным голосом произнес Артур. — Если мотив действительно настолько прозрачен, мой визит туда не займет много времени.

Дом семьи стрелка находился в типичном для Среднего Запада спальном районе. Ровно подстриженные газоны, выкрашенные белой краской заборы, припаркованные на подъездных дорожках семейные минивэны. Идеалистичная картина американского пригорода резко кон-

трастировала с двумя патрульными машинами, перегородившими въезд, и толпой репортеров, которых полиция оттеснила за периметр.

Внутри дом казался мёртвым. В комнатах стояла тяжёлая, давящая тишина, а следы беспорядка лишь усиливали ощущение запустения. Родителей Лукаса увезли в больницу с тяжелейшим нервным срывом ещё вчера вечером.

Комната подростка располагалась на втором этаже, в самом конце узкого коридора. Артур толкнул приоткрытую дверь и шагнул внутрь. За ним тяжело проследовал Вэнс, сразу же прислонившись плечом к дверному косяку и скрестив руки на груди.

Обычная комната семнадцатилетнего парня. Постеры с изображениями марсоходов и туманностей на стенах, полки, заставленные моделями космических кораблей, небрежно брошенная на спинку стула толстовка. Никакой нацистской символики, никаких плакатов с серийными убийцами или вырезок из газет о Колумбайне.

Взгляд Артура скользнул по книжным полкам. Рядом с толстыми томами по астрономии и биологии ровным рядом стояли свежие, недавно купленные журналы по стрелковому оружию и тактической подготовке.

— Заметили? — спросил Артур, не оборачиваясь. — Астробиология и огнестрельное оружие. Совершенно полярные интересы. Подросток, увлеченный поиском внеземной жизни, внезапно начинает интересоваться моделями дробовиков, связанными с демонстрацией власти и силы.

— И что? — Вэнс пожал плечами. — У пацана поехала крыша. Он искал способ отомстить обидчикам. Купил пару журналов.

— Люди редко меняют сферу интересов настолько радикально за один месяц, — возразил Артур, надевая свежую пару перчаток. — Обычно новые увлечения лежат в смежных областях. Тот, кто увлекается астронавтикой, может заинтересоваться парашютным спортом или инженерией. Но не тактикой ведения боя в закрытых помещениях. Такое сочетание искусственно. Оно минимизирует пересечение с другими информационными потоками.

Детектив издал смешок, полный нескрываемого скепсиса.

— Вы пересмотрели шпионских фильмов, агент. Ищите заговор там, где есть только сложенная психика.

Артур проигнорировал реплику. Он методично начал осматривать комнату, двигаясь по часовой стрелке от двери. Шкаф с одеждой не дал ничего подозрительного. Ящики письменного стола были забиты тетрадями с конспектами, зарядными устройствами и мелким канцелярским мусором.

Подойдя к кровати, аналитик провел рукой по покрывалу. Матрас с одной стороны казался слегка приподнятым, словно под ним что-то регулярно прятали. Артур просунул руку в щель между пружинным блоком и деревянным каркасом кровати. Пальцы нащупали твердую картонную обложку.

Он извлек на свет толстый черный блокнот на пружине. Обложка была потертой, без каких-либо надписей.

— Что там? — Вэнс слегка выпрямился, потеряв часть своей вальяжности. — Дневник? Манифест? Наши парни вчера бегло осмотрели комнату, но могли упустить.

Открыв блокнот, Артур нахмурился. Страницы не содержали ни единого слова. Никаких списков врагов, никаких жалоб на буллинг или планов мести. Вместо текста листы были плотно исписаны черной капиллярной ручкой.

На первой странице был нарисован сложный геометрический паттерн — множество пересекающихся под острыми углами линий, образующих асимметричную фигуру. На второй странице фигура повторялась, но с добавлением новых элементов. На третьей, четвертой, десятой — одни и те же монотонные, гипнотические абстракции.

Они не выглядели как бессмысленные каракули скучающего школьника. В их расположении чувствовалась строгая математическая логика. Каждый рисунок казался отдельным фрагментом. Разрозненными кусками, которые должны были сложиться во что-то единое в сознании смотрящего.

Артур медленно перелистывал страницы. Угловатые формы вызвали необъяснимое чувство тревоги, словно оптическая иллюзия, царапающая глазное яблоко изнутри.

— Это не манифест, — тихо произнес он. — Это визуальные якоря.

Оставив блокнот открытым на кровати, Артур подошел к письменному столу, на котором покоился закрытый ноутбук. Серебристая крышка была покрыта слоем мелкой пыли.

— Эй, подождите, — Вэнс сделал шаг вперед, инстинктивно потянувшись к поясу. — Киберотдел уже скопировал жесткий диск. Они проверили историю браузера. Там только порно, форумы по видеоиграм и этот его учебный портал. Никаких поисков по изготовлению бомб или покупке нелегальных стволов.

— Я уверен, что ваши техники отлично справляются с поиском стандартных триггеров, — невозмутимо ответил Артур, поднимая крышку ноутбука. Экран мигнул и загорелся тусклым светом, требуя пароль.

Аналитик достал из кармана небольшой черный USB-накопитель — стандартное оборудование его отдела для обхода базовой защиты потребительских систем — и вставил его в порт. По экрану побежали строки зеленого кода. Через тридцать секунд система сдалась, открыв доступ к рабочему столу.

Артур проигнорировал стандартные папки и историю браузера. Его пальцы быстро застукали по клавиатуре, открывая скрытые директории и кэш системных файлов, которые обычные пользователи никогда не видят, а рядовые техники часто пропускают, удовлетворяясь поверхностным сканированием.

В глубоком кэше обнаружилась скрытая папка, весившая несколько гигабайт. Она не имела названия, только цифровой код.

— Что вы делаете? — Вэнс подошел вплотную, тяжело дыша Артуру в затылок.

Щелчок мыши открыл директорию. Внутри оказались десятки видеофайлов. Артур запустил первый попавшийся.

Окно медиаплеера развернулось на весь экран. Вэнс за спиной разочарованно выдохнул.

— И что это за хрень? Скринсейвер?

Видео действительно не содержало сцен насилия, призывов к оружию или инструкций. На экране плавно пульсировали абстрактные цветочные пятна, сливающиеся в спирали и геометрические фракталы — поразительно похожие на те, что были зарисованы в блокноте Лукаса. Цвета сменялись с неестественной, рваной частотой, создавая эффект легкого стробоскопа.

Но главным был звук. Из динамиков ноутбука полился низкий, монотонный гул. Он не был похож на музыку. Скорее на технический шум, в котором на границе слышимости угадывались специфические звуковые частоты. Звук давил на барабанные перепонки, вызывая легкое чувство тошноты и дезориентации.

Артур смотрел на пульсирующий экран, чувствуя, как холодный пот выступает вдоль линии роста волос.

Манипуляция требует ложной реальности, в которой её присутствие не будет ощущаться.

Фраза из старого, засекреченного отчета всплыла в памяти сама собой. Перед ним был классический инструмент. Метод, о котором шептались в аналитических центрах, но доказательства которого всегда ускользали от следствия.

Подростка не просто травили. Его психику целенаправленно бомбардировали. Онлайн-курсы «устойчивости», вероятно, служили первичным фильтром. Они забрасывали широкую

информационную сеть, выявляя наиболее восприимчивых детей. Затем начиналась точечная работа. Внедрение скрытых директив через визуальные и аудиальные вклады.

Фрагмент за фрагментом. Пазл собирался в глубинах подсознания, минуя критическое мышление.

Сначала искусственно создавался внутренний конфликт — биполярное расстройство как побочный эффект сопротивления психики. Затем формировалась потребность в силе и признании. И когда все кусочки мозаики сходились воедино, достаточно было малейшего толчка в реальном мире. Драки в столовой. Плохой оценки. Грубого слова.

Активация программы.

Артур резко захлопнул крышку ноутбука. Гудящий звук оборвался, но в ушах продолжало звенеть.

— Вы изымали его телефон? — спросил аналитик, поворачиваясь к Вэнсу.

Детектив моргнул, словно приходя в себя после легкого транса.

— Да. Но там ничего. Мессенджеры чисты, пара зашифрованных приложений, но ключи мы не подобрали. Аккаунты в социальных сетях удалены. Причем, судя по логам, удалены кем-то извне, буквально через час после первых выстрелов в школе.

— Потому что замечали следы, — констатировал Артур.

Он отсоединил блок питания ноутбука от розетки, аккуратно смотал провод и положил компьютер в плотный антистатический пакет для улики, извлеченный из своего портфеля. Туда же отправился черный блокнот, найденный под матрасом.

Увидев это, Вэнс мгновенно переменялся в лице. Его вялая раздражительность сменилась откровенной враждебностью. Детектив сделал шаг в сторону двери, перекрывая выход своим грузным телом.

— Эй, тормози, федерал. Какого черта ты делаешь? Это улики местного управления. Вы не имеете права выносить их с места преступления без ордера судьи округа.

Артур застегнул молнию на пакете и закинул портфель на плечо. Его движения оставались спокойными и выверенными.

— Дело больше не квалифицируется как локальный инцидент, детектив. С этой минуты расследование переходит в юрисдикцию Вашингтона.

— На каком основании?! — рявкнул Вэнс, его лицо пошло красными пятнами. — Из-за кучки дурацких рисунков и странного видео? Вы хотите раздуть из обычной школьной трагедии теорию заговора? Я не позволю вам забрать эти вещи. Протокол должен быть подписан сегодня.

— Основание — подозрение во внутреннем терроризме с использованием запрещенных методов психологического воздействия, — ледяным тоном произнес Артур. Он подошел вплотную к Вэнсу, вынуждая того смотреть прямо в глаза. — Если вы попытаетесь остановить меня, детектив, я оформлю рапорт о воспрепятствовании федеральному расследованию. И тогда вам придется объяснять мэру не то, почему дело затянулось, а то, почему местная полиция покрывает сеть, заставляющую детей убивать друг друга.

Вэнс тяжело дышал. Желваки на его скулах ходили ходуном. Несколько секунд они стояли в тишине комнаты, нарушаемой лишь далеким воем полицейской сирены за окном.

Наконец, детектив грязно выругался сквозь зубы и сделал шаг в сторону, освобождая проход.

— Вы сумасшедший, — бросил он в спину Артуру. — Ваши начальники в Вашингтоне порвут вас на куски за то, что вы лезете в это болото без реальных доказательств.

Артур не ответил. Спускаясь по скрипучей деревянной лестнице в пустом, пропитанном смертью доме, он крепче сжал ручку портфеля. Доказательства были. Просто они говорили на языке, который правоохранительная система разучилась понимать тридцать лет назад.

Теперь ему предстояло заставить руководство ФБР снова услышать этот язык. Даже если для этого придется пойти против собственных протоколов.

Глава 2. Цифровой след

— Тридцать восемь часов без сна ради зашифрованного мусора.

Марк с силой потер переносицу, не отрывая воспаленных глаз от мерцающего кода на левом мониторе. Свет от экранов заливал его бледное лицо мертвенно-синим оттенком.

— Ты притащил мне кирпич, Артур. Половина секторов на жестком диске перезаписана нулями. Кто-то запустил протокол экстренного уничтожения данных ровно в тот момент, когда местный спецназ вышибал двери в школе Колумбуса.

Лаборатория кибербезопасности на минус втором этаже штаб-квартиры ФБР напоминала стерильный аквариум. Гул мощных серверных стоек сливался в непрерывный белый шум, поглощающий любые посторонние звуки. Температура здесь всегда поддерживалась на отметке в девятнадцать градусов, из-за чего техники постоянно кутались в объемные флисовые толстовки.

Артур придвинул металлический стул и сел рядом с рабочим местом эксперта. На столе среди пустых банок из-под энергетиков и мотков витой пары лежал изъятый ноутбук стрелка, подключенный к диагностическому терминалу через толстый черный кабель.

— Они не могли уничтожить все, — ровным голосом произнес аналитик. — Локальная зачистка всегда оставляет цифровые тени. Ты вытащил скрытую директорию с видеофайлами?

Пальцы эксперта с раздражением ударили по механической клавиатуре. Громкий пластиковый стук эхом отскочил от стеклянных перегородок лаборатории. На центральном дисплее развернулось окно профессионального аудиоредактора.

— Вытащил. И лучше бы я этого не делал. От этой дряни у меня мигрень началась через десять секунд просмотра.

Марк щелкнул мышью, запуская спектральный анализ звуковой дорожки. Привычная для аудиофайлов волнообразная кривая на экране отсутствовала. Вместо нее графический интерфейс отрисовал плотную, почти сплошную стену красного и желтого цветов, прорезанную странными геометрическими пустотами.

— Смотри на нижний регистр, — эксперт обвел курсором темную полосу у самого основания графика. — Это не просто технический шум. Это бинауральные ритмы. В правый канал подается частота в двести герц, в левый — двести четыре. Разница составляет ровно четыре герца. Человеческое ухо не воспринимает этот диссонанс напрямую, но мозг вынужден его компенсировать.

Артур наклонился ближе к экрану, вглядываясь в математически идеальные линии звукового спектра.

— Тета-ритм, — констатировал он. — Частота глубокого расслабления и повышенной внушаемости. Состояние, пограничное между сном и бодрствованием.

— Именно, — кивнул Марк, отпивая остывший энергетик прямо из банки. — Они принудительно опускают частоту работы мозга зрителя. Но это только половина фокуса. Я разложил видеоряд на отдельные кадры.

Новое окно перекрыло звуковой график. На экране появилась раскадровка пульсирующих абстрактных пятен, которые Артур видел в комнате Лукаса. На первый взгляд, плавная смена цветов казалась хаотичной.

Эксперт нажал пробел. Воспроизведение пошло со скоростью один кадр в секунду.

Двадцать четыре кадра содержали обычные цветовые переливы. Двадцать пятый кадр оказался резким, контрастным изображением сложного геометрического паттерна — точно такого же, какой подросток маниакально вырисовывал в своем черном блокноте.

— Вспышка длится сорок миллисекунд, — пояснил Марк, откидываясь на спинку кресла. — Сознание не успевает ее зафиксировать. Но зрительная кора регистрирует всё. Ауди-

одорожка отключает критическое мышление, распахивая двери в подсознание, а визуальный ряд закладывает туда этот мусор. Это не любительская поделка с форумов. Это высокотехнологичный конструктор.

Стеклянная дверь лаборатории бесшумно отъехала в сторону. В помещение вошла Сара, держа подмышкой защищенный служебный планшет. Ее строгий темно-синий брючный костюм резко выделялся на фоне неформальной обстановки киберотдела. Напарница выглядела собранной, но тонкая морщинка между бровями выдавала крайнюю степень напряжения.

— Я прогнала твою теорию через аналитический отдел, Артур, — произнесла она вместо приветствия, подходя к терминалу. — Ты был прав. Мы смотрели не туда. Мы искали манифесты, переписки в мессенджерах, следы покупки оружия. Искали классические признаки радикализации.

Сара положила планшет на стол и подключила его к системе Марка. Центральный настенный монитор мигнул, отобразив подробную карту Северной Америки и Западной Европы. На темном фоне ярко горели несколько красных точек.

— Колумбус. Саутпорт. Два инцидента в пригородах Парижа в прошлом году. Мюнхен, — напарница начала перечислять города, указывая на вспыхивающие маркеры. — Разные страны. Разные демографические группы. Оружие от кухонных ножей до легально купленных дробовиков. До сегодняшнего дня Европол и наши внутренние службы считали эти дела не связанными друг с другом вспышками немотивированного насилия.

Она коснулась экрана планшета, и поверх географической карты наложилась сложная паутина графиков сетевого трафика. Зеленые линии пульсировали, соединяя красные точки с невидимыми узлами в сети.

— Это логи обращений к определенным серверам видеохостингов, — продолжила Сара. — Посмотри на временную шкалу. За две недели до стрельбы в Колумбусе трафик в этом конкретном округе взлетает на восемьсот процентов. Загружаются терабайты данных. В основном — безобидные на первый взгляд ролики. Мотивационные курсы, образовательные программы, видео для релаксации.

Артур скрестил руки на груди, анализируя представленную картину.

— Пазловое кодирование, — произнес он термин, который до этого момента встречался ему только в теоретических выкладках закрытых институтов. — Метод слепого внедрения.

Марк скептически изогнул бровь.

— Звучит как название дешевого научно-фантастического фильма.

— Это реальная методика, применяемая для обхода психологической защиты, — жестко ответила Сара, поворачиваясь к эксперту. — Манипулятивные вкрапления сегментируются. Они не посылают одну прямую команду «иди и убей». Это вызвало бы немедленное отторжение у любого здорового человека. Вместо этого они разбивают идею на десятки безобидных фрагментов.

Она вывела на экран схему информационных потоков.

— Первая волна контента формирует чувство изоляции и несправедливости. Вторая волна, замаскированная, к примеру, под курсы по саморазвитию, внушает идею о необходимости радикальных действий для защиты своих границ. Третья волна может нести те самые бинауральные ритмы и визуальные паттерны, которые ты только что нашел. Они связывают все фрагменты воедино.

Артур подошел к экрану, внимательно изучая пересечения графиков.

— Это кодирование коврами бомбардировками, — отметил он. — Они забрасывают сеть на целый регион, прекрасно понимая, что девяносто девять процентов подростков просто почувствуют легкую апатию или раздражение. Но им нужны не все. Им нужен один нестабильный элемент. Тот, у кого из-за этой информационной перегрузки начнется искусственное биполярное расстройство.

— И когда пазл в голове жертвы складывается, — тихо закончила Сара, — достаточно малейшего толчка в реальности. Активация происходит автоматически. Самое страшное в этом методе то, что стрелок искренне уверен: это его собственные мысли. Он не осознает, кто являлся подстрекателем. Дистанционные кураторы остаются абсолютно чистыми перед законом.

В лаборатории повисла тяжелая тишина, прерываемая лишь монотонным гудением серверов. Масштаб разворачивающейся картины подавлял. Речь шла не о банде террористов в привычном понимании, а о конвейере, производящем трагедии индустриальными методами.

— Откуда идет сигнал? — нарушил молчание Артур. — Если трафик синхронизирован, у него должен быть единый координационный центр.

Марк тяжело вздохнул и размял затекшие пальцы.

— Я пытался пробить IP-адреса, с которых загружались эти видео. Это кошмар маршрутизации. Они используют каскадную систему прокси-серверов. Сигнал прыгает из Огайо в Сингапур, оттуда в дата-центр в Исландии, затем дробится на тысячи мелких пакетов через тор-сети.

— Но ты зацепился за что-то, — утвердительно сказал Артур, зная упрямство эксперта.

— Я зацепился за ошибку в скрипте экстренного удаления на ноутбуке парня, — на лице Марка появилась слабая улыбка. — Тот, кто стирал данные, торопился. Он закрыл соединение на миллисекунду позже, чем нужно. Я вытащил пакет подтверждения разрыва связи.

Эксперт ввел длинную команду в терминал. Черное окно консоли заполнилось бегущими строками IP-адресов. Система начала обратную трассировку, методично срывая слои шифрования один за другим. Красная точка на глобальной карте прыгнула через Атлантику, миновала Лондон, пронеслась над Скандинавией и резко остановилась в Европе.

Координаты зафиксировались.

— Рига, — прочитал Марк данные геолокации. — Латвия. Сервер физически находится там.

Сара мгновенно активировала доступ к международным базам данных коммерческой недвижимости и регистрации юридических лиц. Ее пальцы быстро порхали по экрану планшета.

— Сервер арендован на имя европейской некоммерческой организации, — напарница нахмурилась, вчитываясь в документ. — Официальный статус — неправительственный фонд. Название: «Европейская коалиция по защите молодежи от деструктивных культов».

Артур почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок. Идеальная маскировка.

— Антикультовая организация, — медленно произнес он, обдумывая парадокс. — Они получают гранты на борьбу с сектами. Они выступают экспертами на телевидении, консультируют правоохранительные органы, читают лекции о ментальном контроле. И при этом используют серверные мощности для пазлового кодирования подростков, превращая их в массовых убийц.

— Лучший способ скрыть свою деятельность — возглавить борьбу с ней, — мрачно заметила Сара. — По бумагам эта коалиция тесно связана с крупными международными сетями. У них есть филиалы во Франции, Германии, Сербии. Они интегрированы в государственные структуры по всей Европе.

— Если этот сервер в Риге — их координационный узел, нам нужны его логи, — жестко сказал Артур. — Полный дампы памяти. Вся история подключений за последний год. Только так мы сможем доказать связь между антикультовым фондом и всплесками трафика перед инцидентами.

Аналитик развернулся и быстрым шагом направился к свободному рабочему терминалу у противоположной стены лаборатории. Он авторизовался в системе под своим личным номером жетона. Стандартный интерфейс внутренней сети ФБР загорелся на экране.

— Что ты собираешься делать? — спросила Сара, подходя ближе.

— Оформляю официальный запрос в Европол по линии договора о взаимной правовой помощи, — ответил Артур, быстро заполняя поля электронной формы. Форма 1040-E для международных киберрасследований требовала предельной точности формулировок. — Основание: подозрение в международном терроризме с использованием цифровых средств поражения.

Клавиши мягко стучали под его пальцами. Он методично прикреплял к запросу файлы. Сначала пошел отчет Марка о спектральном анализе звука. Затем — графики Сары, демонстрирующие корреляцию между скачками трафика и датами массовых расстрелов. Наконец, данные обратной трассировки IP-адреса, указывающие прямо на штаб-квартиру антикультуры организации в Риге.

— Они не отдадут сервер просто так, — с сомнением покачал головой Марк со своего места. — Это европейская юрисдикция. Правозащитная НКО с кучей адвокатов. Они поднимут вой о политическом давлении и нарушении свободы слова.

— У нас есть доказательства применения бинауральных ритмов и скрытого визуального воздействия, — отрезал Артур, вписывая последние обоснования в блок юридической аргументации. — Это подпадает под конвенцию о запрещении кибероружия. Латвийская полиция безопасности обязана изъять серверное оборудование в течение суток после получения ордера от Европола.

Он перечитал документ еще раз. Каждое слово было выверено. Каждое обвинение подкреплено техническими логам. Это был идеальный, непробиваемый запрос, который должен был запустить международный механизм расследования.

Курсор мыши навел на синюю кнопку «Отправить в международный отдел».

Щелчок.

На экране появился серый индикатор загрузки. Система начала шифрование пакета документов для безопасной передачи по защищенным каналам связи Министерства юстиции. Артур откинулся на спинку стула, чувствуя, как пульсирует кровь в висках. Первый реальный удар по невидимой сети был нанесен.

Индикатор дошел до девяноста процентов. Замер на секунду.

А затем экран монитора внезапно мигнул. Серый цвет сменился агрессивным красным. Поперек интерфейса всплыло широкое диалоговое окно с гербом Бюро и жирным черным шрифтом.

Сара резко выдохнула сквозь зубы.

Артур неподвижно смотрел на монитор. В центре экрана горела надпись:

СТАТУС ЗАПРОСА: ОТКЛОНЕН. ИСТОЧНИК БЛОКИРОВКИ: КАНЦЕЛЯРИЯ ДИРЕКТОРА ФБР. РЕЗОЛЮЦИЯ: ОТСУТСТВИЕ ЮРИСДИКЦИИ. ДАЛЬНЕЙШИЕ ДЕЙСТВИЯ ЗАМОРОЖЕНЫ ДО ОСОБОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ.

— Канцелярия директора? — голос Сары прозвучал неестественно тихо. — Автоматизированная система не могла проанализировать запрос за десять секунд. Кто-то перехватил его в ручном режиме.

Марк перестал крутить в руках пустую банку из-под энергетика. В лаборатории снова стало слышно только давящее гудение серверов.

Блокировка на уровне директора означала не просто бюрократическую проволочку. Это был прямой приказ сверху. Кто-то на самом верхнем этаже здания на Пенсильвания-авеню внимательно следил за тем, чтобы расследование стрельбы в Колумбусе оставалось локальным

инцидентом. Кто-то, обладающий достаточной властью, чтобы мгновенно перекрыть кислород федеральному агенту, как только тот попытался дотянуться до рижских серверов.

Артур медленно убрал руки с клавиатуры. Красное уведомление на экране продолжало пульсировать, словно предупреждающий знак на границе минного поля, на которое он только что ступил.

Глава 3. Тени прошлого

Пластиковые катушки аудиокассеты медленно вращались за прозрачной дверцей диктофона, издавая едва уловимый, размеренный шорох. Тусклый свет торшера выхватывал из полумрака кабинета лишь два кресла и низкий журнальный столик между ними. Плотные бархатные шторы надежно отсекали звуки оживленной бостонской улицы образца тысяча девятьсот восемьдесят шестого года.

В правом кресле, откинувшись на мягкую спинку, сидела Хлоя. Глаза двадцатидвухлетней девушки были плотно закрыты, но под тонкими веками наблюдалось быстрое движение глазных яблок. Мышцы лица полностью расслабились, стерев привычное выражение тревоги, с которым она вошла в эту клинику час назад.

Эмили подалась вперед, не сводя внимательного взгляда со своей пациентки. В блокноте на ее коленях были записаны лишь несколько базовых ориентиров. Никаких готовых сценариев. Никаких допущений.

— Ты стоишь на парковке, Хлоя, — голос Эмили звучал мягко, но уверенно, без малейших интонационных колебаний. — Воздух холодный. Что происходит вокруг тебя? Опиши то, что ты воспринимаешь, не пытаясь это анализировать.

Пальцы пациентки слегка дрогнули на подлокотниках.

— Темно, — произнесла Хлоя медленно, растягивая гласные. — Фонарь над входом в супермаркет мигает. Я ищу ключи в сумке. Металл холодный.

— Что ты слышишь в этот момент? — Эмили сделала короткую пометку в блокноте. Только открытые вопросы. Золотое правило ретрогипноза.

Именно так работал Ральф Орополо двадцать лет назад в Балтиморе, когда помогал Милдред Коли вспомнить детали нападения. Никакого вмешательства полиции, никаких словесных подсказок. Только бережное сопровождение психики в те архивы памяти, которые были заблокированы травмой. И именно так шесть лет назад свидетельница Лора Катлер смогла вспомнить истинный возраст убийцы в Метрополитен-опера. Если бы следователи тогда настояли на своей версии, Крейг Кримминс никогда бы не был пойман. Чистый метод требовал точности.

— Шаги, — голос Хлои дрогнул, пульс на ее шее стал заметнее. — По гравии. Кто-то идет сзади. Тяжелые ботинки. Я хочу обернуться, но не успеваю. Запах... пахнет машинным маслом. Грубая ткань царапает мне лицо. Меня толкают в машину.

— Какую машину ты видишь, Хлоя?

— Фургон. Металлические стенки изнутри. Краска облупилась. Он... он светло-зеленый. На полу лежит гаечный ключ.

Эмили кивнула самой себе. Реальная травма всегда состояла из таких вот приземленных, болезненно-бытовых деталей. Гаечные ключи, облупившаяся краска, запах. Никакой мистики. Обычное, жестокое человеческое насилие, лицо которого Хлоя отчаянно пыталась забыть последний год.

Глухой удар дверной ручки об ограничитель разорвал терапевтическую тишину.

Тяжелая дубовая дверь кабинета распахнулась настежь, впуская резкий свет из коридора. Эмили резко обернулась, инстинктивно закрывая собой пациентку. Хлоя в кресле вздрогнула, ее дыхание мгновенно сбилось, грудная клетка заходила ходуном. Состояние глубокого транса, лишенное защитных барьеров критического мышления, делало любой внезапный раздражитель подобным физическому удару.

На пороге стояли двое мужчин.

Первым в кабинет шагнул Патрик. Грузный, широкоплечий депрограммист двигался с грацией бульдозера. От его твидового пиджака несло застарелым сигаретным дымом. Эмили прекрасно знала, кто он такой. Человек, сделавший карьеру на похищениях людей под видом «спасения от сект». Еще в семьдесят третьем году в Арваде он силой удерживал девушку, чья единственная вина заключалась в желании жить отдельно от консервативных православных родителей.

Следом за ним, аккуратно притворив дверь, вошел Майкл Лангони. Исполнительный директор American Family Foundation выглядел полной противоположностью Патрика: безупречно сидящий темно-синий костюм, тонкая оправа очков, холодный, оценивающий взгляд администратора.

— Сеанс окончен, доктор, — заявил Патрик, не утруждая себя приветствиями. Он пересек комнату в три широких шага и протянул руку к диктофону на столике.

— Не смейте прикасаться к аппаратуре! — Эмили вскочила, перехватывая его запястье. Ее голос звенел от сдерживаемой ярости. — Пациентка находится в состоянии глубокого гипнотического транса. Вы нарушаете медицинский протокол и подвергаете ее психику опасности. Немедленно покиньте кабинет.

Патрик лишь усмехнулся, легко стряхивая ее руку. Его массивные пальцы с силой вдавили клавишу «Стоп». Вращение катушек оборвалось с громким пластиковым щелчком.

— Ваш протокол не работает, — бросил депрограммист, нависая над съежившейся в кресле Хлоей. — Вы топчетесь на месте, вытаскивая из нее какие-то ржавые фургончики. Она блокирует истинные воспоминания. Культ держит ее сознание под контролем, а вы потакаете этому сопротивлению.

Лангони остановился у окна, скрестив руки на груди. Его лицо оставалось бесстрастным.

— Мы здесь, чтобы помочь, Эмили, — произнес директор AFF гладким, поставленным голосом. — Статистика неумолима. По всей стране всплывают свидетельства о сатанинских ритуалах. Мы имеем дело с эпидемией. Хлоя — жертва именно такой группы, но ваш подход не позволяет ей прорваться сквозь установленные сектой блоки. Патрик знает, как разрушать эти барьеры.

— Это не блоки! — Эмили встала между Патриком и креслом. — Это реальные воспоминания о реальном похищении! Она только что начала описывать цвет машины и запахи. Если вы сейчас вмешаетесь, вы разрушите достоверность ее показаний для суда.

Патрик проигнорировал ее слова. Он грубо отодвинул Эмили плечом и наклонился к самому лицу Хлои. Девушка тяжело дышала, ее глаза оставались закрытыми, но по щекам уже катились слезы. В состоянии гипноза она была абсолютно беззащитна перед внешним давлением.

— Слушай меня, Хлоя, — голос Патрика зазвучал громко, ритмично, подавляя волю. — Это был не зеленый фургон. Зеленый — это ложь, которую они заставили тебя запомнить. Фургон был черным. Черным, как ночь. Правда?

Девушка замотала головой из стороны в сторону.

— Нет... зеленый. Краска...

— Черный! — рявкнул Патрик, ударив ладонью по подлокотнику. — И там был не один человек. Их было несколько. Вспомни их одежду, Хлоя. Они не носили обычные куртки. На них были мантии. Темные мантии с капюшонами. Ты видела их лица в темноте?

Эмили бросилась к Лангони.

— Майкл, остановите его! Вы же читали аналитический обзор Мартина Орна два года назад! Люди под гипнозом сверхвосприимчивы к искажению информации. У них снижено критическое мышление. Если Патрик будет задавать наводящие вопросы, она включит их в свои воспоминания! Мозг сам дорисует эти мантии, чтобы угодить авторитету!

Лангони даже не пошевелился. За стеклами его очков блеснул холодный расчет.

— Наука должна служить обществу, Эмили. А обществу сейчас необходимо осознать масштаб сатанинской угрозы. Патрик делает то, что необходимо.

— Там был алтарь, Хлоя, — продолжал чеканить слова Патрик, его голос заполнял всю комнату, не оставляя пространства для собственных мыслей пациентки. — Куда они тебя привезли? В подвал? Там горели свечи. Вспомни свечи. И книги. Они заставляли тебя читать их книги перед тем, как причинить боль. Это были книги Стивена Кинга? Они использовали их как триггеры для ритуала?

Хлоя издала сдавленный всхлип. Ее пальцы до побеления вцепились в кожаную обивку. Механизм пластичности мозга, запущенный агрессивным внушением, начал свою разрушительную работу. Пустоты в памяти стремительно заполнялись тем материалом, который щедро поставлял депрограммист.

— Да... — прошептала девушка, ее голос стал механическим, надломленным. — Свечи. Там было жарко.

— Отлично. Что еще? Музыка? Они включали музыку, чтобы заглушить крики? Это был альбом Sonic Youth? Тяжелый, давящий ритм?

— Музыка... да. Громкая. Черные мантии. Они стояли вокруг меня.

Эмили почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. На ее глазах происходило методичное, хладнокровное изнасилование человеческой психики. Патрик не восстанавливал память. Он конструировал ложную реальность, используя уязвимость транса. Он вплетал в сознание травмированной девушки абсурдные поп-культурные клише — романы ужасов, рок-группы, голливудские образы сатанистов.

— Прекратите! — Эмили с силой оттолкнула Патрика от кресла. В этот раз она вложила в движение весь свой вес, заставив грузного мужчину отшатнуться. — Я вывожу ее из транса. Прямо сейчас. Хлоя, на счет три ты откроешь глаза и вернешься в эту комнату. Раз...

Патрик угрожающе шагнул вперед, сжимая кулаки, но Лангони поднял руку, останавливая его.

— Два... — голос Эмили дрожал от напряжения. — Три. Открой глаза.

Хлоя резко распахнула веки. Ее зрачки были расширены, грудь тяжело вздымалась. Она озиралась по сторонам с выражением первобытного ужаса, словно действительно только что вырвалась из подвала с сектантами. Ложные воспоминания, внедренные в состоянии тета-ритма, ощущались ею как абсолютно реальные, пережитые события.

— Они... они были там, — пробормотала Хлоя, глядя на свои трясущиеся руки. — Мантии. Кровь на книгах.

Патрик удовлетворенно хмыкнул и отступил на шаг.

— Вот видите, доктор. Стоило только надавить, и правда вышла наружу. Депрограммирование работает. Иногда требуются дни без сна, чтобы сломать контроль культа, как это делал Хассен в Мичигане. Но под гипнозом процесс идет быстрее.

Эмили повернулась к директору AFF. В ее взгляде читалось не просто возмущение, а леденящее понимание происходящего. Разрозненные факты последних месяцев внезапно сложились в четкую, пугающую картину.

— Вы делаете это намеренно, — тихо произнесла она, глядя прямо в глаза Лангони. — Все эти тысячи сообщений о ритуальном насилии, которые ваша Рабочая группа по сатанизму рассылает в прессу... Вы сами их фабрикуете.

Лангони поправил галстук, его лицо оставалось маской профессиональной озабоченности.

— Выбирайте выражения, Эмили. Мы помогаем жертвам обрести голос.

— Вы превращаете их показания в балаган! — голос Эмили сорвался на крик. — Ни один суд не примет историю про сатанистов с книгами Стивена Кинга! Полиция проверит

эти фантазии, не найдет никаких доказательств, и дело развалится. Настоящие преступники, обычные насильники на зеленых фургонах, останутся на свободе. Зачем вам это?

Она обвела взглядом комнату, испорченный диктофон, плачущую пациентку, и ответ пришел сам собой.

— Дело не в культах, — осознание ударило ее с силой физического разряда. — Дело в самом методе. Вы специально наполняете ретрогипноз абсурдным содержанием. Вы заставляете пациентов нести бред про черные мессы, чтобы научное сообщество ужаснулось. Вы хотите, чтобы гипноз дискредитировали. Чтобы его запретили использовать в судах.

В кабинете повисла тяжелая пауза. Хлоя тихо всхлипывала в кресле, обхватив колени руками. Патрик достал из кармана мятую пачку сигарет, всем своим видом демонстрируя скуку.

Лангони медленно подошел к рабочему столу Эмили. Он расстегнул внутренний карман пиджака и извлек плотный белый конверт с логотипом клиники.

— Ваша проблема, доктор, заключается в отсутствии широты мышления, — произнес он, аккуратно положив конверт на гладкую деревянную поверхность. — Вы цепляетесь за устаревшие протоколы, когда мир сталкивается с новой, беспрецедентной угрозой. Нам нужны специалисты, готовые бороться с деструктивными культами всеми доступными средствами. Те, кто защищает сектантов, прикрываясь академической чистотой эксперимента, нам не подходят.

Эмили посмотрела на конверт. Ей не нужно было вскрывать его, чтобы знать содержимое. Приказ об отстранении от практики. Увольнение с волчьим билетом.

— Я не защищаю секты, Майкл. Я защищаю человеческое сознание от таких мясников, как Патрик. И от таких архитекторов, как вы. Если вы уничтожите гипноз, правоохранительная система лишится единственного инструмента, способного снимать психологическое кодирование.

— Решение уже принято советом директоров, — сухо отрезал Лангони, игнорируя ее слова. — С этой минуты вы больше не являетесь сотрудником клиники. Служба безопасности проследит, чтобы вы покинули здание в течение часа.

Он повернулся к депрограммисту.

— Патрик, помоги мисс Хлое встать. Мы переводим ее в специализированное крыло для дальнейшей реабилитации. Ей предстоит долгий путь освобождения от сатанинского влияния.

Патрик грубо схватил пациентку за локоть, вздергивая ее с кресла. Хлоя не сопротивлялась. Ее взгляд был пустым, направленным в никуда. Внедренная конфабуляция уже пустила корни, переписывая ее прошлое, стирая подлинную боль и заменяя ее удобным для фонда пластиковым суррогатом.

Эмили стояла неподвижно, не пытаясь их остановить. Она понимала, что проиграла этот бой. У нее не было ни власти, ни влияния, чтобы противостоять машине, которая уже начала перемалывать судьбы по всей стране.

Когда дверь за мужчинами и пациенткой закрылась, в кабинете снова стало тихо. Лишь приглушенно гудел кондиционер.

Эмили подошла к журнальному столику. Ее пальцы легли на холодный пластик диктофона. Она нажала кнопку извлечения кассеты. Пленка внутри была безнадежно испорчена — Патрик нажал на стоп так резко, что механизм зажевал тонкую коричневую ленту, превратив запись реальных воспоминаний в скомканный, нечитаемый узел.

Она смотрела на искореженный кусок пластика, и в ее сознании кристаллизовалась страшная истина. То, что произошло сегодня в этой комнате, не было инициативой одного фанатичного депрограммиста и одного амбициозного директора фонда. Это была обкатка технологии. Масштабная, хорошо финансируемая операция по уничтожению доверия к человеческой памяти.

Кто-то очень влиятельный расчищал площадку. Кто-то готовил общество к эпохе, где любое воспоминание можно будет объявить ложным, а любую ложь — вшить в подсознание, не опасаясь разоблачения. Сатанинская паника была лишь дымовой завесой, ярким карнавалом, призванным отвлечь внимание от настоящей угрозы.

Глава 4. Рижский контакт

Свинцовое балтийское небо давило на острые шпили Старой Риги, поливая узкие мощные улицы мелким, ледящим затяжным дождем. Тяжелая дубовая дверь паба «Melnaīs Kaķis» с трудом поддавалась, впуская внутрь очередную порцию сырого ноябрьского воздуха. Внутри стоял густой, почти осязаемый гул голосов. Заведение, спрятанное в лабиринте переулков недалеко от Домского собора, славилось отсутствием окон в основном зале и плохой вентиляцией, что делало его идеальным местом для встреч, не терпящих посторонних глаз.

Туристическая карта латвийской столицы, разложенная на липком деревянном столе в самом темном углу зала, служила отличным прикрытием. Рядом стоял наполовину пустой бокал местного стаута и лежала дешевая пленочная камера. Официально федеральный агент находился в отпуске. После того как Канцелярия директора заблокировала запрос в Европол, любые попытки действовать через официальные каналы Министерства юстиции стали не просто бесполезными, но и опасными. Пришлось пересечь Атлантику под чужим именем, используя старый резервный паспорт, чтобы лично добраться до физической точки, откуда координировались информационные атаки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.